

Время в модернистском тексте: грамматическое и семиологическое

Статья посвящена рассмотрению категории времени как одного из основных параметров художественного текста. Проанализированы особенности грамматической категории времени и средства ее выражения, а также очерчена специфика собственно текстовых временных характеристик.

Ключевые слова: грамматическое время, темпоральность, семиологическое время.

Проблема времени в художественном тексте долго находилась в сфере интересов литературоведов, так как рассматривалась исключительно в свете теории М. М. Бахтина о взаимосвязи текстового пространства и времени, получивших название хронотопа [2]. Лингвисты же определяли время и темпоральность как языковые категории. При этом обнаруживалась тенденция такого характера: время трактовали как морфологическую категорию глагола, а темпоральность как синтаксическую категорию, присущую предложению, либо различали морфологическую и синтаксическую категории времени соответственно [11:279–283; 409].

Использование одного термина — "время" — затрудняет различение этих категорий, но их разноуровневая отнесенность четко прослеживается в соотношении морфологических глагольных категорий — времени и вида — и синтаксических — времени и наклонения, так как глагол со своими морфологическими категориями "входит в более широкую систему средств формирования синтаксических времен и наклонений и взаимодействует с этими синтаксическими средствами в единой системе выражения синтаксических значений" [13,2:86].

В украинистике проблема решена в основном в русле функционально-семантической грамматики: темпоральность как "семантическая категория" [5: 628] охватывает все значения времени, которые выражаются морфологическими, синтаксическими, лексическими и словообразовательными средствами, хотя оппозиция время / темпоральность не всегда трактуется последовательно [4: 62]. Есть предложение квалифицировать темпоральность с точки зрения коммуникативного категориального уровня [7: 127–128], что естественно выводит ее за рамки категорий предложения.

А. В. Бондарко, рассматривая время в функционально-семантическом плане, зачастую отождествляет "время (темпоральность)" [15:30] и дифференцирует оттенки значения времени и способы их выражения, выделяя различные ФСП (собственно темпоральности, аспектуальности, временной локализованности, таксиса. (А. И. Бондарь добавляет "ФСП датирования (обстоятельной темпоральности)" [3]).

Таким образом, определению категориального статуса времени в системе языка посвящено множество исследований, но остаётся открытым вопрос о темпоральных характеристиках художественного текста. Причём эти характеристики невозможно свести исключительно к морфолого-синтаксическим параметрам единиц текста. Этим обусловлена **актуальность** нашего исследования.

В русистике к изучению времени в тексте первыми обратились представители коммуникативной грамматики. Г. А. Золотова, постулируя время и вид как текстовые категории [8:8], предло-

жила рассматривать в тексте художественного произведения "три темпоральных оси": T_1 — физическое, календарное время; T_2 — текстовое, событийное время; T_3 — перцептивное время, выражающее позицию говорящего субъекта речи [9: 22–24]. Впоследствии исследовательница уточнила типологию и добавила дополнительную темпоральную ось T_4 — "время читателя, слушателя", специфика которого в том, что скорее всего, по мнению Г. А. Золотовой, "роль этого времени целиком программируется автором в пределах T_3 " [8: 11]. Не все исследователи выделяют время как текстовую категорию [см.: 6], его категориальный статус является предметом дискуссий. На наш взгляд, целесообразно рассматривать глагольное время как морфологическую категорию, темпоральность — синтаксическую в пределах предложения, а в тексте — особый вид темпоральных отношений, принимающих непосредственное участие в структурно-смысловой организации текста, — семиологическое время. Именно анализ семиологического времени является целью нашего исследования.

Невозможность отождествления языкового (грамматического) и текстового времени была замечена и семиологами. Р. Барт указывает: "...с точки зрения повествования, то, что принято называть временем, или вовсе не существует, или, по крайней мере, существует только функционально, как элемент семиотической системы: время принадлежит не дискурсу как таковому, а плану референции; повествование, как и язык, знает только семиологическое время..." [1: 211]. Но при этом речь идет о различных семиотических системах — первичной (язык) и вторичной (художественное произведение).

Реальное физическое время, которое в сознании говорящих имеет три измерения относительно момента речи — прошедшее, будущее и настоящее, — осознается вполне объективно и имеет соответствующие формы выражения в языке. Таким образом, грамматическое время является одним из способов выражения категории времени в языке и речи.

Необходимо отметить существование разграничения абсолютного и относительного грамматического времени, определяемых в зависимости от точки отсчета (момент речи или определенное событие), но традиционно грамматическое время считают условно абсолютным [13,1: 628–629]. Относительное время связано с понятием таксиса и требует однотипных способов выражения грамматического значения.

В речевой ситуации следует учитывать: "Выражаемые языковыми средствами временные отношения, хотя и существуют объективно и независимо от говорящих, тем не менее непосредственно связаны с участниками и ситуацией общения. ...Важная особенность языкового времени — его ситуативность" [14: 62–63]. Если в коммуникативном акте ситуативность времени все же соотносена с его физическими характеристиками, нашедшими выражение в грамматике, то художественный текст обнаруживает расхождения и даже противоречия значений текстового времени и грамматических способов его выражения.

В модернистском тексте время специфично в силу художественных особенностей модернистской внутритекстовой действительности, одной из главенствующих черт которой считают иррациональность. Именно иррациональность обуславливает, на наш взгляд, особенности времени в модернистском тексте. С. П. Ильёв, исследуя хронотоп романа А. Белого "Серебряный голубь", указывал: "Земное настоящее время обращено в прошлое и будущее. Прошлое невозвратно, у настоящего нет будущего..." [10:41], тем самым характеризуя семиологическое время в символистском тексте как смешение временных пластов, обусловленное ориентацией в бесконечность.

Семиологическое время объединяет внешне- и внутритекстовые темпоральные характеристики, связанные с моделированием текстовой деятельности, мира художественного произведения. В первую очередь, это время повествования и время текстового субъекта речи. Художественный текст представляет собой вторичную семиотическую систему, а его основными единицами преимущественно считаются символические знаки, что особенно характерно для модернистских произведений. Формой существования знаков-символов является в основном слово, единица языка — первичной семиотической системы.

Лексические средства выражения текстового времени имеют определенные семантические особенности, позволяющие характеризовать внутритекстовую действительность в темпоральном плане. Для именованья временных пластов прошедшего, настоящего, будущего времен в таких случаях часто используют лексемы "вчера", "сегодня", "завтра" соответственно. Например, у украинского модерниста В. Домонтовича: "*Вчора* не існувало, але це не значить, що його не було

зовсім? Кожне "сьогодні" визначає не тільки прийдешиє, але й минуле (В. Домонтович). Именно перцептивное время, время внутритекстового субъекта, на наш взгляд, в наибольшей степени свободно от физической реальности. Действительно, даже физическое время весьма относительно, оно существует только в отношении к моменту речи, то есть к условно настоящему, которое в каждое следующее мгновение есть иным. Семиологическое время еще более субъективно, потому что его отправной точкой может являться любой факт — в прошлом, будущем или настоящем, или вне реальности. Например, Л. Андреев, хронологически излагая события рассказа "Губернатор", использует временную отнесенность к будущему: *За две недели до смерти губернатора в губернаторский дом была доставлена посылка...* (Л. Андреев), хотя читателю факт смерти еще неизвестен. Ф. Сологуб опережает события повествования такой темпоральной характеристикой: *Володин до самой последней минуты не знал, что Передонов хочет его зарезать* (Ф. Сологуб), хотя такое знание в принципе невозможно. В этих примерах наблюдается определенный конфликт событийной и перцептивной временных осей, так как рассказчику известны будущие события, и он разрывает последовательность изложения событий указанием на факт, принадлежащий будущему времени.

Выбор лексических средств достаточно широк, они могут передавать широкий спектр временных значений. Например: *"Вдруг" знакомы тебе. Почему же, как страус, ты прячешься при приближении неотвратного "вдруг"?... "Оно" кормится мозговою игрою; все гнущности мыслей оно пожирает охотно; и распухает оно — таешь ты, как свеча; "вдруг". откормленный, но невидимый пес, начинает предшествовать, вызывая у наблюдателя впечатление, будто ты занавешен от взора облаком: это — есть твое "вдруг"*. (А. Белый). В данном случае характеризуются такие темпоральные характеристики, как мгновенность и неожиданность, причём это метафорическое наименование: время рассматривается как живое существо.

Среди распространённых лексических способов выражения семиологического времени, кроме непосредственного указания на три временные характеристики, можно также назвать указания на неопределённость и неизменность времени.

Временная неопределённость четко проявляется в модернистском тексте: времени вроде и не существует, оно нереально. Эта нереальность достигается за счёт указания на повторяемость событий во времени, дошедшей до неизменности, статичности. Повторяемость в принципе детерминирована особенностью человеческого восприятия физического времени: существованием на концептуальном уровне оппозиции *циклическое / линейное* время [16: 142-196]. Модернистский текст репрезентирует повторяемость иного порядка, эта характеристика связана с неизменностью бытия. (Ср.: *Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем*. Екклесиаст 1:9). Эта повторяемость нерегулярна, необязательна, но характеризует время в его неизменности и статичности как определённую константу: *Так же он засыпал позавчера и вчера. Так он спал пятилетие... Так проснит он...* (А. Белый). Фактически речь идёт о несоответствии *статичного* времени модернистского мира физическому и грамматическому, которые являются динамическими и линейными.

Иррациональность семиологического времени может также выражаться в его *безотносительности*. Модернистское время является собственной точкой отсчёта. Оно рассматривается не в отношении к моменту речи или к событию действительности, а к определённой временной характеристике, которая сама по себе относительна: *Часы пробили неизвестно к чему относящуюся половину*. (В. Набоков).

Специфику модернистского времени отображает и такая характеристика, как фрагментарность, или *дискретность*. Например: *Життя складалося з уривків. з початків чогось, що ніколи не ставало завершеним...* (В. Домонтович). Лексические маркеры указывают на членение временного отрезка и называют полученные в результате этого членения компоненты. При этом постулируется отсутствие целостности, завершённости предмета деления, обусловленное дискретностью времени в модернистском тексте.

Каждый из названных параметров модернистской темпоральности, которые определённым образом трансформировались под действием концептуальной системы текста, в разной степени выражаются и грамматическими средствами.

Морфологическими средствами выражения семиологического времени прежде всего являются видо-временные глагольные формы сказуемых. Естественно, распространённым способом

выражения внутритекстовых временных характеристик является последовательное употребление временных форм согласно соответствию момента речи и описываемых событий. Именно по этой причине частотна форма прошедшего времени, так как события часто описываются как отстоящие во времени, как воспоминания рассказчика, как переосмысление и интерпретация субъектом речи определённой ситуации. Иррациональность модернистского текста и в этом случае обуславливает специфику использования форм прошедшего времени: *Всё то незнакомец подумал; зажал он в кармане кулак; и он вспомнил, что падали листья* (А. Белый). Для героя листья падают в настоящем, то есть он вспоминает о том, что происходит в момент воспоминания. Тут мы наблюдаем несоответствие лексической и грамматической семантики: вспоминать можно только события, отнесённые к прошлому, предшествующие моменту речи, причём, как правило, значительно отстоящие во времени. С точки зрения функциональной грамматики имеем: многоплановая темпоральная ситуация представлена в тексте как полипредикативный комплекс с таксисными отношениями последовательности событий [15: 238], так как употреблены одинаковые значения грамматического времени (признак таксиса) вместо указания последовательности событий (прошлое — настоящее), характерного для темпоральной ситуации.

Одним из специфических способов выражения настоящего внутритекстового времени (как событийного, так и перцептивного) является грамматическая форма прошедшего времени глаголов несовершенного вида: *...За окном в багровом и неподвижном свете стоял сам Красный смех* (Л. Андреев). В данном случае форма прошедшего времени связана с дневниковым характером произведения, которому такие формы присущи органично.

Синтаксическими средствами преимущественно выражается не грамматическое время, а семиологическое. Оно релевантно лишь в ткани художественного произведения. И именно анализ модернистских произведений позволяет говорить о немаловажной роли синтаксических средств выражения темпоральности в тексте.

Во-первых, особенности темпоральности в модернистском тексте передаются модально-временными формами предикативных членов. Например, некоторые поэтические тексты В. Хлебникова: *Люди, когда они любят, / Делающие длинные взгляды / и испускающие длинные вздохи. / Звери, когда они любят, / Наливающие в глаза муть, / делающие удила из пены...* Н. А. Николина, анализируя стихотворения В. Хлебникова, именует данную особенность поэтического времени "темпоральная неопределённость и обобщённость" [12: 55], противопоставляя абсолютное / относительное время, а мы квалифицируем как статичность и безотносительность модернистского времени. Такие случаи распространены и в прозаических текстах: *Курносая, безобразная, она [Недотыкомка] подошла к его [Передонова] постели и забормотала: — Квасок затереть, пироги свалять, жареное зажарить.* (Ф. Сологуб). На наш взгляд, в данном случае специфика текстового времени обусловлена грамматическими особенностями: в первом примере это употребление причастных форм и придаточных предложений в форме настоящего времени для характеристики вневременных отношений, а во втором — инфинитивных конструкций, доминирующей семантикой которых является ирреально-модальная, не имеющая временной отнесённости. Инфинитивные конструкции такого типа весьма частотны в модернистских произведениях: *Смотреть как тают без следа / Остатки грез и никогда / не расставаться с грустным счастьем, / И, подойдя к концу пути, / Вздохнуть и радостно уйти.* (М. Волошин); *Нам свежесть слов и чувства простоту / Терять не то ль, что живописцу зренье, / Или актеру — голос и движенье, / А женщине прекрасной — красоту?* (А. Ахматова). В данном случае грамматическая ирреальность (безотносительность времени) — это следствие концептуальной, органично присущей модернистскому тексту.

Во-вторых, данную функцию выполняют многократные повторы лексических и синтаксических единиц, имеющих временную семантику; а также многократное варьирование одинаковых фрагментов текста с целью таких темпоральных характеристик, как повторяемость и статичность — и безотносительность. Например, А. Белый в романе "Петербург" трижды повторяет фразу *"глаза...расширились, засветились, блеснули"* в разных ситуациях, вынося её даже в заголовки одной из главок. Комментарием к многократным повторам является авторская темпоральная характеристика: *"...то уже было когда-то, и, может быть, — повторится"* (А. Белый).

В-третьих, использование распространённых сочинительных рядов (как однородных членов, так и предикативных частей сложносочинённых предложений) темпоральной семантики: *"И се-*

годня, и вчера, и каждый день, и каждую ночь проходят здесь поезда..." (Л. Андреев), свидетельствует о цикличности, повторяемости и неизменности модернистского времени.

С этой целью используются ССЦ в виде многокомпонентных сложных предложений, представляющих одновременное развёртывание разноплановых событий, невозможное по законам физического времени. Например, у Л. Андреева:

Все предметы, видимые глазом и осязаемые руками, становились пусты, легки и прозрачны — подобны светлым теням во мраке ночи становились они;...

...ибо не стало времени, и сблизилось начало каждой вещи с концом её: ещё только строилось здание, и строители еще стучали молотками, а уж виделись развалины его и пустота на месте развалин; еще только рождался человек, а над головою его зажигались погребальные свечи, и уже тухли они, и уже пустота становилась на месте человека и погребальных свечей;

и, объятый пустотой и мраком, безнадежно трепетал человек перед ужасом бесконечного. (Л. Андреев). Семантически на лексическом уровне время предстаёт в стремительности, мгновенности протекания, субъективное восприятие времени переносится на его физические характеристики. Время так стремительно, что его движение незаметно, оно приобретает субъективную статичность. ССЦ с сочинительными отношениями в данном случае выражает одновременность событий, на что указывают формы несовершенного вида прошедшего времени глаголов-сказуемых каждой предикативной части (а всего в данном ССЦ их 25). Причем речь идет об одновременности несовместимых во времени (физическом и грамматическом) понятий — рождение и смерть, начало и конец, строительство и разрушение и т. п. Противоречие грамматического и семиологического времени указывает на специфику текстовой темпоральности модернистского произведения, тяготеющей к амбивалентности.

Таким образом, время в модернистском тексте характеризуется как дискретное, статичное и безотносительное, в отличие от грамматического, которое является непрерывным, динамичным и абсолютным. Кроме того, отмечаем несоответствии лексических и грамматических средств выражения темпоральных отношений в пользу доминирования последних, что обусловлено внутренней концептуальностью модернистского текста, а именно его иррациональностью.

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. — М., 2000.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975.
3. Бондар О. І. Темпоральні відношення в сучасній українській мові: система засобів вираження. — Одеса, 1996.
4. Вихованець І. Р. Граматика української мови: Синтаксис. — К., 1993.
5. Вихованець І. Р. Темпоральність / Українська мова: Енциклопедія. — К., 2000.
6. Воробьёва О. П. Текстовые категории и фактор адресата. — К., 1993.
7. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови. Синтаксис. — Донецьк, 2001.
8. Золотова Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. — 2002. — №3.
9. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998.
10. Ильев С. П. Роман "Серебряный голубь" Андрея Белого (аспекты архитектоники и художественного хронотопа) // Историко-літературний журнал. — 1995. — № 1.
11. Краткая русская грамматика. / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. — М., 1989.
12. Николина Н. А. Грамматические формы времени в свете поэтического эксперимента // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докладов межд. научной конф. — М., 2001.
13. Русская грамматика: В 2-х т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1980.
14. Тарасова Е. В. Эгоцентрическая природа временного дейксиса и ее отражение в языковом поле темпоральности // Язык. Человек. Время. — Харьков, 1992.
15. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. / Под ред. А. В. Бондарко. — Л., 1987.
16. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М., 1994.

Н. В. Кондратенко

ЧАС У МОДЕРНІСТСЬКОМУ ТЕКСТІ: ГРАМАТИЧНИЙ І СЕМІОЛОГІЧНИЙ

Статтю присвячено розгляду категорії часу як одного з основних параметрів художнього тексту. Проаналізовано особливості граматичної категорії часу і засоби її вираження, а також окреслено специфіку власне текстових часових характеристик.

Ключові слова: граматичний час, темпоральність, семіологічний час.

N. V. Kondratenko

GRAMMATICAL TENSE AND SEMIOLOGICAL TIME IN THE MODERNISTIC TEXT

Article is denoted consideration a category of time as one of the main parameters artistic text. Analysed particularity grammatical category time and facility of its expression, as well as is outlined specifics strictly text temporary feature.

Keywords: grammatical tense, temporality, semiological time.